

Строговы

Георгий Марков

СТРОГОВЫ

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)
М26

Марков, Г.

М26 Строговы: Роман / Г. Марков. – М. : Агентство ФТМ / RUGRAM, 2021. – 754 с.

ISBN 978-5-521-74571-5

Исторический роман «Строговы» известнейшего писателя Георгия Маркова ярко и образно рисует картину жизни Сибири начала XX века и повествует о судьбе Матвея Строгова, обычного крестьянина-сибиряка после революции 1917 года ставшего командиром партизанского отряда в Гражданской войне. В 1952 году роман «Строговы» был удостоен Государственной премии, а во второй половине 1970-х по роману был снят одноименный 8-серийный художественный фильм. Продолжается сага о Строговых в романах «Соль земли» и «Сибирь».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74571-5

© Т8 RUGRAM, 2021

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

© Текст, Г. М. Марков, наследники, 2021

ИЗ ПРОШЛОГО СТРОГОВЫХ

(Вместо пролога)

Во второй половине прошлого века купец Федот Кузьмин основал в глухом таежном месте пасеку.

В ближнем поселке Волчьи Норы он нанял пасечником молодого батрака Захара Строгова. Нанял за пять колодок пчел да три рубля серебром в год.

Захар Строгов переселился на пасеку вместе с женой Агафьей.

Через несколько лет купец умер, и хозяйство перешло к его сыну Никите. Молодой хозяин повел дело иначе: он решил продать пчел, купить на Енисее прииск и заняться золотым промыслом.

Захару не хотелось уходить с обжитого места. Кругом были незаселенные земли и гари с медистым кипреем; на пасеке — созданные его же руками постройки: дом, амбар, подвал.

Строгов упросил Никиту Кузьмина продать ему участок и получить часть выкупа деньгами, а часть медом. Кузьмин запросил двадцать рублей серебром и ежегодно, пока жив Захар, два воза меду с доставкой в город. Волей-неволей пришлось Захару согласиться.

Шли годы. У Захара с Агафьей родился сын Влас, а спустя десять лет — второй, Матвей.

Еще будучи подростком, Влас ушел в город, поступил в торговое заведение. С годами скопил Влас немного денег, открыл свою лавочку, женился, обзавелся детьми.

Матвей оставался с отцом. В Волчьих Норах он окончил церковноприходскую школу первым учеником и, по совету учителя, написал прошение царю с просьбой определить на казенный счет в какое-нибудь училище в городе.

Ответ пришел спустя много месяцев из министерства просвещения. Прошение осталось без последствий: на казенный кошт было немало претендентов из обедневших дворянских семей.

Продолжая честно выполнять поставки медом Никите Кузьмину, Строговы жили на скромные доходы от пасеки; подспорьем служила охота, а кроме того, кедровые орехи, грибные и ягодные угодыя тайги. Жили на пасеке семьей из пяти человек: старики Захар с Агафьей да родной брат Агафьи — дед Фишка — и Матвей с молодой женой Анной.

Пятистенный дом Строговых, окруженный густо разросшимися кустами черемухи, стоял на косогоре, окнами к южной, солнечной стороне. От дома влево — двор, крытый по-сибирски наглухо, вправо — пасека.

У подножья косогора — речка Соколинка с прозрачной родниковой водой. За речкой опять косогор, за ним — долины, холмы, мелколесье, нераспаханные вольные сибирские земли.

К северу от пасеки стеной тайга. Тайга на тысячи верст и безлюдье, простор, глушь...

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

1

В средней полосе Сибири первые заморозки начинаются уже в конце августа. Утрами, пока солнце не обогреет землю, на зеленой листве деревьев, на поникшей от холода траве лежит нежный, легкий иней.

С этого времени начинают опадать цветы, сохнут травы и раскрашиваются во все цвета радуги бельники и осинники. Последние летние дожди проходят с ветром и бывают затяжные и надоедливые.

Но вслед за ними наступает ясный сентябрь. Земля пестра и походит на ковер, что девушки в деревнях плетут из ситцевых разноцветных лоскутьев. В сентябрьские дни небо еще сине и безоблачно, а в лесу уже сыро и пахнет прелью опавшей листвы.

Незаметная, но хлопотливая и суетная жизнь течет в тайге в эти погожие дни и звездные, гулкие ночи. С глубоких озер поднимаются караваны гусей, лебедей и уток и направляются в далекий путь. Жалобно курлыча и повизгивая, как несмазан-

ные колеса деревянной телеги, летят на юг длинные вереницы журавлей. Внизу, под ними, тянутся тысячеверстные просторы земли, а выше плывут белые, как хлопья, облака и дуют ветры.

И в это же самое время, когда улетають залетные птицы и уходят пришлые звери, постоянные жители тайги ищут сытной зимовки. Хорошо, если год урожайный и косогоры краснеют от брусники, а ветки кедров сгибаются от тяжести крупных шишек. Но бывает часто и так: не везде, не во всех концах одинаково плодоносит тайга, и тогда в поисках зимних кормежек начинается великое кочевье всего живого...

...Ранним утром ясного сентябрьского дня Матвей и дед Фишка отправились на охоту. Каждый год в эту пору они уходили с пасеки в глубь тайги, в кедрачи, к берегам речки Юксы. Уходили надолго, месяца на два, на три. Зимой на нартах они завозили к своему стану муку, сухари, соль. С собой несли только ружейные припасы, белье, верхнюю одежду.

Охотники привыкли к Юксинской тайге, считали ее своей собственностью, своим амбаром с добром.

К вечеру второго дня вышли на стан.

На крутом берегу, окруженная разлапистыми кедрами, стояла избушка. В десяти шагах от нее — навес из соснового дражня, под ним таган, закром для хранения кедрового ореха, барцы — чурки на длинных еловых шестах для шишкобоя, рыболовные снасти: морды, садки, вентеры.

За ночь охотники отдохнули, а утром разошлись в разные стороны. Осенью в тайге — как в страду на поле: день год кормит.

Урожай орехов и ягод в эту осень был редкостный. Тайга кишела зверьем и птицей.

Вернувшись на стан, Матвей и дед Фишка развели костер, сели сушить одежду.

— Я сегодня, Матюша, аж в бельники слетал... — рассказывал дед Фишка.

Ссутулившись, он держал над костром портянку. Пламя освещало его. Ветер обдавал дымом. Дед Фишка морщился, кашлял, щурил маленькие хитрые глаза, шевеля мохнатыми бровями.

Матвей, подперев рукой голову, лежал на земле с другой стороны костра.

— В бельники? Далеконько ты сбегал... Сильно поди устал? — спросил он.

— Какой там устал! Еще б пробежал столько!

— А меня сегодня сова напугала, — задумчиво проговорил Матвей и улыбнулся.

— Как так? — Дед Фишка отбросил портянку и пересел с чурбака на землю.

— Под вечер иду берегом, — начал рассказывать Матвей, — слышу, кто-то в чаще шелкает. Думаю: уж не волк ли?

Дед Фишка слушал с любопытством. С его лица, заросшего мягкими седеющими волосами, не сходила улыбка: старик знал, что будет над чем посмеяться, — уж не так робок был молодой охотник.

— Я остановился, — продолжал Матвей, — смотрю в чашу...

Из глубины тайги донеслось эхо выстрела. Собаки вскочили с теплых, насиженных мест. Улыбки исчезли с лиц охотников. Они переглянулись с тревогой в глазах.

Матвей, приподнявшись, подставил ухо на ветер. Но выстрел не повторился. Собаки потоптались, зевнули, легли на прежнее место и свернулись в клубки.

Тайга шумела однотонно, скучно. Небо заволокло тучами. Крышу навеса долбил прямой, упругий дождь.

— Далеко где-то, — сказал Матвей.

— Надо отозваться, Матюша, — посоветовал дед Фишка. — Заблудился, видно, человек. А плутать сейчас в тайге — гиблое дело: не видно ни месяца, ни звезд.

Матвей сходил в избушку за ружьем и выпалил вверх из обоих стволов раз за разом.

Собаки с визгом бросились в лес, но в ту же минуту вернулись, виновато поджав хвосты.

Выстрел навел охотников на размышления. Ночью в тайге могли стрелять только в случае крайней нужды. Выстрелом кто-то взывал о помощи. Кто же? Кроме Матвея и деда Фишки, в юксинских кедрачах никто не бывал. Это знали охотники точно. Из года в год охотились они здесь одни.

— Теперь поджидай: вот-вот подойдет, — сказал дед Фишка, набивая самосадом трубку.

Ждали они долго, глядели в темь леса, изредка перебрасывались словами. Но собаки спали, не чуя приближения чужого человека.

Матвей поднялся.

— Надо в сушину поколотить, а то в такую-то темень и мимо можно пройти.

Он взял топор и обухом ударил в сухой кедр. Эхо подхватило гулкий стук и понесло по тайге, тревожа зверей и птиц.

Ждали еще часа два, но никто не приходил.

— Охотники новые объявились, — сказал Матвей.

— Нет, Матюша, наверняка кто-нибудь заблудился. Сам посуди: зачем охотники стрелять будут ночью? Да и кто сюда пойдет? Все знают, что тайга эта наша, — настаивал на своем дед Фишка.

Матвея клонило ко сну. Ночь была уже на второй половине.

— Иди, Матюша, спи, а придет кто — я тебя разбужу, — предложил старик.